

Библиография

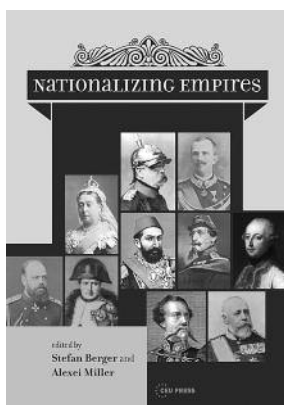
Алексей Васильев

Национализация империй:

УХОДЯ ОТ «ВЕСТФАЛЬСКОЙ ОРТОДОКСИИ»

Nationalizing Empires / Eds. A. Miller, S. Berger

Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. — VIII, 691 p. —
(Historical Studies in Eastern Europe and Eurasia).

В 1648 г. Вестфальским миром завершилась Тридцатилетняя война. Одним из ее важнейших долгосрочных итогов стало доминирование в европейской политике национальных государств и признание их суверенитета нормой международных отношений. Имперский принцип организации политического пространства в лице Габсбургов потерпел поражение. Впоследствии теория модернизации придала этому событию характер исторической закономерности, в соответствии с которой на смену архаичным, отсталым, феодальным, недемократическим империям в результате непреодолимого исторического прогресса должны приходиться современные, прогрессивные, основанные на принципе гражданского равноправия и народного суверенитета

национальные государства. Империя и национальное государство стали восприниматься в качестве противоположных типов политического устройства общества, один из которых (имперский) исторически обречен и должен сойти с исторической сцены, уступив место национальному государству.

Однако новейшие исследования по теории и истории империй и наций, в области постколониализма поставили под сомнение эту концепцию, которую можно назвать «вестфальской ортодоксией». Оказалось, что не так просто указать точные критерии отличия национального государства от империи. Национальные государства тоже могут быть недемократическими и стремящимися к территориальной экспансии, отличаться этнокультурным многообразием и разделением своих

граждан на разные группы в зависимости от принадлежности/непринадлежности к «государствообразующему народу». Еще М. Блок в «Апологии истории» заметил: «Когда в 1919 г. мы увидели, что в Веймарской конституции сохраняется для германского государства его прежнее наименование Reich, многие наши публицисты возмутились: “Странная «республика»! Она упорно называет себя «империей!»»¹ С другой стороны, становится ясно, что империи играли важную роль в процессах формирования наций, а не только служили препятствием на пути их строительства, как считалось ранее. Империи могли проводить политику классификации и организации своего населения по национальному принципу. Колониальная политика также была важным фактором формирования наций не только для колоний, но и для имперских метрополий. Наконец, послевоенная история противостояния двух сверхдержав, боровшихся за сферы влияния, формирование Евросоюза, глобализация и мультикультурализм — все это заставило исследователей более критически относиться к тезису об исторической обреченности империй и их принадлежности прошлому.

В результате осмысления всех этих явлений на протяжении последних двух десятилетий оформилось исследовательское направление «новая имперская история». Произошло своеобразное возвращение империи из «научного небытия», в котором она пребывала весь послевоенный период. Господствовавшая в это время в социальных науках теория модернизации (как в марксистском, так и в либеральном ее вариантах) видела в империи форму политической организации традиционного домодерного общества, которая должна быть преодолена в ходе исторического прогресса и перехода к современности. Основной движущей силой переосмысления соотношения нации и империи выступили исследователи империи. Интересно, что в большей части классических работ о нации и национализме фактор империи упускался из виду, а сама империя если и присутствовала, то, скорее, как фон для процессов образования наций. В России ведущим центром развития «новой имперской истории» является журнал «Ab Imperio». Основным принципом этого направления является «невозможность локализовать историческую точку перехода из мира империй в мир наций, а равно и некорректность деления исторического опыта на специфически имперский и национальный. Тем самым появляется возможность осмыслить империю и нацию не как воплощенные в реальности политические и социальные явления, а как категории анализа, которые позволяют описывать отличные векторы исторического процесса и диспозиции исторических сил. Если один вектор связан с производством, воспроизводством и инструментализацией многообразия, то другой — с гомогенизацией и инструментализацией культурной, социальной и политической однородности»².

Именно из такого идеально-типического (в веберовском смысле) понимания соотношения нации и империи в истории исходят и авторы сборника «Национализация империй». В нем предпринята попытка показать на конкретном историческом материале взаимосвязь имперской динамики и процессов нациестроительства. Прежде всего обратим внимание на предложенные авторами коллективного труда теоретико-методологические основания исследования.

Все авторы исходят из отказа от традиционной парадигмы «исторической обреченности империй перед лицом прогрессивных национальных государств». Профессор Фрайбургского университета *Йорн Леонард*, автор статьи, посвященной сравнительному анализу исторической динамики полиэтнических империй и про-

1 Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 92.

2 Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 11–12.

цессов нациестроительства на рубеже XIX—XX вв., отмечает, что именно «исход войны в 1918 г. привел к формированию в историографии определенного нарратива, в котором конец традиционных автократических империй на европейском континенте считается неизбежным. Согласно этой интерпретации, Первая мировая война лишь завершила процесс, который был очевиден еще до 1914 г.: полиэтничные империи казались пережившими свой век политическими субъектами (старыми тюрьмами молодых наций³), которые могли выживать, только силой подавляя национальные движения и этнические группы. Эта парадигма интерпретации оказала сильное влияние на историографию империй в XX в.» (с. 630). Историческая траектория империи в этой парадигме хорошо описывается, по мнению автора, метафорой «взлета и падения», которую Э. Гиббон в свое время применил при анализе истории Римской империи. Однако сегодня ее все больше заменяет видение истории империй в категориях шансов и кризисов.

Общим для всех участников сборника является представление, что империя, имперское пространство, имперское воображение, соперничество империй играли важную роль в процессах формирования национальных идентичностей. Империи часто не только не препятствовали нациообразованию, а напротив — стимулировали его. Они служили тем коммуникативным пространством, в котором (и в соотнесении с которым) формировались различные национальные идеи. Причем иногда национализм меньшинств опережал и стимулировал национализм «имперских наций». Более того, сами империи часто стремились использовать нациообразовательные процессы в своих интересах, для укрепления своего могущества и повышения конкурентоспособности на мировой арене.

Все эти представления концептуализированы в книге при помощи понятия «имперский национализм». В статье «“Имперский национализм” как вызов изучению национализма» венский историк *Филипп Тьер* выделяет три измерения этого явления. Во-первых, это национализм «имперских наций», лояльных «своей» империи (русские в Российской империи, немцы в Германской империи). Во-вторых, это национализм «имперских наций» в более широком смысле слова — наций, заключавших альянсы с правящей династией и имперской государственностью, не имея при этом перспектив стать доминирующей силой в империи (прибалтийские немцы в Российской империи, евреи в Габсбургской монархии, армяне в Османской империи). И в-третьих, имел место антиимперский национализм по типу итальянского или польского; но даже в этом случае жесткого противостояния империи она оставалась «значимым другим», объектом идентификации для противостоящих ей национальных движений (с. 577). В целом авторы сборника сосредоточены на изучении формирования «имперских наций» в первом смысле. Во Введении руководители исследовательского проекта, результатом которого стала эта книга, профессор Рурского университета в Бохуме Стефан Бергер и профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер, пишут, что термин «имперская нация» используется ими для обозначения тех проектов нациестроительства, «которые были задуманы и реализованы в сердцевине империи» (с. 4); которые, «в отличие от сепаратистских периферийных проектов, рассматривали империю как свое достояние» (с. 5). «Более внимательный взгляд на европейскую историю XIX в. показывает, что большинство самых успешных проектов нациестроительства были с разной степенью успешности реализованы на территориях имперского ядра и все они с неизбежностью были тесно связаны с империей самыми разными способами» (там же).

3 Другой автор рецензируемой монографии, Ф. Тьер, называет это «парадигмой “тюрьмы народов”» (с. 573).

Также во Введении сформулированы и основные аспекты взаимосвязи империи и нации, вокруг которых организован материал в статьях об отдельных империях. Авторы формулируют их так: «В действительности существует целый ряд сфер, где имперское тесно сплетается с национальным в процессе построения имперских наций. Не пытаясь предложить здесь их исчерпывающий перечень, мы должны отметить, во-первых, различные аспекты администрирования пространства, включая воображаемую географию национальной территории, миграции, развитие коммуникационных систем, развитие городов, особенно столичных, которые сочетали функции национальных и имперских столиц. <...> Во-вторых, мы хотели бы осветить процессы культурной и лингвистической консолидации как на элитарном, так и на массовом уровнях, а также значение концепций “другого” и концепций цивилизационной миссии, которые работали как в имперском, так и в национальном контекстах. В-третьих, мы подчеркиваем значимость развития экономических связей между различными регионами, которые были жизненно важны как в имперском, так и в национальном контекстах. В-четвертых, мы полагаем необходимым обсудить механизмы политического участия (вовлечения) как на элитарном, так и на массовом уровнях, которые включали в себя идею гражданства, а также и постепенно возникавшие социальные права, связанные с ним (гражданством). Внешняя политика вообще и конкуренция между империями в частности были чрезвычайно важными факторами. Наконец, мы хотели бы также привлечь внимание к разным институтам, имевшим принципиальное значение как для империй, так и для имперских наций, — от армии до научных обществ» (с. 5—6). В последующих десяти статьях, посвященных анализу «имперского национализма» на материале разных империй, более или менее подробно рассмотрены указанные выше аспекты сопряжения имперской и национальной истории.

Нейл Эванс, исследователь из Кардиффского университета, автор статьи о Британской империи, государстве и нации на протяжении «долгого XIX века», особое внимание уделяет именно сердцевине империи — английскому государству и английской «имперской нации». Понимание ее сущности и исторической динамики представляется ему принципиально важным для анализа феномена «британской нации». Английская идентичность сформировалась на протяжении веков, предшествовавших созданию Великобритании в начале XVIII в., на основании столкновений с различными «другими». Впоследствии она должна была адаптироваться к ситуации полиэтничной Великобритании. Автор склонен уделять внимание именно внутренней неоднородности британской идентичности, в том числе проблемам шотландского и валлийского сепаратизмов. Переходя ко включению Ирландии в состав Соединенного королевства, он показывает, что главным реальным вызовом для «британскости» стали в конечном итоге не шотландский или валлийский национализмы, а «ирландский вопрос». Именно по Ирландии пролегал главный внутренний разлом империи. Пойти по пути федерализации Британия не могла, так как это было несовместимо с сохранением старой английской политической системы и парламентского суверенитета. Государственная система Британии оказалась чрезвычайно устойчивой, сохранив преемственность по отношению к древним английским истокам. Формирование империи на ней почти не отразилось. Однако, в отличие от парламентской и административной систем, гражданское общество Британии испытало большое влияние со стороны империи. Британская экономика также оказалась тесно связанной с предоставляемым империей рынком. Империя обеспечивала возможность перераспределения населения и смягчения негативных социальных эффектов индустриализации. Она была привлекательна и для неанглийского населения Британских островов, давая ему такие преимущества, которые делали его в основном лояльным Великобритании. Гиб-

кость неписаной конституции оказывалась удобной для многих политиков. Таким образом, Британская империя сформировалась, сохранив при этом в основе «английское» имперское ядро.

Профессор Оксфордского университета *Майкл Броерс* в статье о наполеоновской империи отмечает важность анализа национального и имперского типов воображения для понимания значения наполеоновской эпохи для проекта французской нации. Он показывает, что французская политическая элита того времени имела в своем сознании весьма специфический образ Франции, состоявший из Парижа и городских, модернизированных восточных и северных регионов. За пределами этой «Франции» оказывались аграрные, отсталые запад и юг, находившиеся под сильным влиянием католической церкви. Хотя Наполеон имеет репутацию «отца европейского национализма», но, отмечает автор, из его политических конструкций лишь Великое герцогство Варшавское и Иллирийские провинции напоминают национальные государства. В остальном же его политические проекты в Германии и Италии едва ли могут считаться (прото)национальными. Тем не менее наполеоновские идеи сильного централизованного государства, культурного превосходства и цивилизационной миссии Франции в будущем оказались очень важны для французского «национального воображения» и формирования французской нации.

Продолжает «французскую тему» *Роберт Альдрих*, профессор европейской истории из Сиднейского университета. Его анализ охватывает период с середины XIX до середины XX в., а основной тезис заключается в том, что Франция указанного периода — имперское национальное государство и что французский национализм является имперским. Это не специфически французская черта. Во всей Европе, а также в США и Японии построение колониальной империи было принципиально важным элементом проекта нацистроительства. «Заморская империя» составляла неотъемлемую часть национального проекта в самых разных отношениях. Колониальная империя зачастую представлялась консервативным кругам как пространство более чистого проявления истинного «национального духа» и подлинных «национальных ценностей», чем сама метрополия. Обладание заморскими колониями служило своеобразным «пропуском» в клуб «великих держав» и пилотом, таким образом, национальную гордость.

В центре внимания исследователя находятся механизмы, при помощи которых французским властям удавалось интегрировать колонии и метрополию, а также соотношение колониализма и французского регионализма. Идеи колониализма и имперского величия становились частью регионального самосознания, региональные элиты вовлекались в колониальные проекты, а «интерфейсом» между провинциями и колониями выступала идея нации (с. 170). Однако колонии и метрополия, будучи тесно связаны, не могли стать единым целым, этому препятствовали политическое неравенство колониального населения, политические практики, продиктованные идеями расизма и культурной отсталости колоний. Все эти обстоятельства сохраняли свое значение до времен Пятой республики.

Проблемам формирования нации в связи с процессами региональной интеграции на материале истории Испании XVIII — начала XX в. посвящена статья профессора Университета Сантьяго-де-Компостела и Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана *Хосе-Мануэля Нуньеса*. Он отмечает, что традиционные историографические подходы представляют испанскую модель нацистроительства в исключительном «европоцентристской» перспективе — как основанный на французском образце проект построения нации. При этом, однако, не принимается во внимание взаимодействие параллельных процессов: формирования испанской нации (начавшегося в первых десятилетиях XVIII в.) и консолидации испанской

колониальной империи, а также взаимосвязь испанского регионализма и регионального сепаратизма (басков и каталонцев) с процессами в колониях.

Роль колониальной империи в процессе формирования испанской нации исследователь оценивает как амбивалентную. «Империя выполняла интегрирующую роль в одних фазах развития и дезинтегрирующую в другие периоды» (с. 245). Империя позволяла пользоваться выгодами от колониальных владений как центру, так и периферии, колониальные успехи не воспринимались как достижения тех или иных регионов полуострова и в этом смысле не разобщали страну. С другой стороны, вооруженные конфликты в заморских владениях и потеря колоний (особенно болезненным в этом смысле было поражение в войне с США в 1898 г.), мобилизуя испанский «имперский национализм», одновременно стимулировали сепаратизм регионов, прежде всего Страны Басков и Каталонии, жители которых теперь воспринимались центром как «свои кубинцы», то есть сепаратисты, аналогичные тем, которым удалось получить независимость от Испании в заморских владениях империи.

Немецкий случай рассмотрен в статье *Стефана Бергера*, одного из руководителей лежащего в основе книги проекта. Цель автора — рассмотреть Германию как «имперскую нацию», где процессы формирования империи и нациестроительства были взаимосвязаны и взаимно поддерживали друг друга. Идея «имперского ядра», в пределах которого должно было проходить формирование немецкой имперской нации, формировалась через соотнесение с несколькими перифериями: непрусскими этнически немецкими регионами, этническими «другими» в пределах Германии (прежде всего — поляками и евреями), этническими «другими» за пределами Германии (прежде всего славянским населением Восточной Европы) и, наконец, туземцами, «другими» немецких заморских колоний. В статье, таким образом, прослеживается, «как имперское воображение определяло национальное ядро через различные периферии в рамках разных версий Германской империи» (с. 307). Идея германизации внутреннего ядра империи вместе с идеями создания заморской колониальной империи и колонизации славянских земель в Восточной Европе были принципиально важны для этого варианта «имперского национализма». При этом идея нации была на протяжении XIX в. сопряжена с расистскими представлениями и милитаризмом. Экономический рост, развитие коммуникаций и миграции также сыграли роль в консолидации национального (прусского) ядра империи.

Российской империи посвящена статья *Алексея Миллера* — ведущего российского специалиста по этой теме и автора монографии, специально ей посвященной⁴. Изложение в статье имеет хронологический характер и охватывает период от объединения земель вокруг Москвы до большевистской политики «коренизации». Такой способ повествования рассчитан на иностранного читателя, не изучавшего историю России. Основная проблема, рассматриваемая автором на каждом историческом этапе, является общей для всего проекта: взаимосвязь процессов формирования империи и становления национального самосознания. Миллер вступает в полемику с известным определением Э. Геллнера, в соответствии с которым национализм — это принцип, требующий совпадения национальной территории и пространства политического контроля. Автор полагает, что этот принцип мало применим в случае «имперских наций» типа французской, испанской или русской: для них вся территория империи выглядит как «своя», и их национализм (в отличие от сепаратистского национализма окраин) не требует разрушения империи — напротив, опирается на нее как на основу национальной идентичности. Автор стремится «рассказать историю русского нациестроительства до 1917 г. как историю, в которой

4 См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006.

имперский контекст был далек от того, чтобы стать просто помехой в этом процессе, в то время как имперские акторы были важными игроками в этой истории» (с. 311). Особое внимание он обращает на роль таких процессов, как миграция, урбанизация, развитие инфраструктуры, индустриализация и развитие националистического дискурса, различных форм «национального воображения».

Изучению соотношения империи, нации и регионализма на землях Габсбургской монархии посвятила свою статью профессор Венского университета *Андреа Комлоси*. Она выявляет два способа решения национального вопроса в дуалистической монархии и исследует их взаимосвязь — «полиэтническое династическое понимание национальности» в Австрии и проект этнической гомогенизации (мадьяризации) в Венгерском королевстве. Эти две модели, по ее мнению, усиливали друг друга. «В Австрии, — отмечает исследовательница, — немецкий никогда не переставал быть ведущим языком, открывая карьерные возможности в высшей администрации, академии и политической жизни. В то же самое время ненемецкие национальности могли утвердить свои языки на локальном и региональном уровнях, открывая возможности представлять себя и создавать нации, но одновременно и блокируя своим соотечественникам доступ к высоким государственным позициям, которые требовали знания немецкого языка. В обстановке межэтнического соперничества наднациональная австрийская идентичность могла развиваться с большим трудом, проявляясь прежде всего в идентификации с императором и династией, идентификации, которая утратила свой импульс с развитием парламентаризма и военными поражениями <...>. В Венгрии мадьяризация была общей темой, вовлекая подданных короны Святого Иштвана всех национальностей. Помимо всего прочего, мадьяризация была менее эффективной, чем полагали ее проводники и оппоненты, в результате чего венгерский лингвистический ландшафт оставался столь же многообразным, что и австрийский» (с. 371—372).

Венгрия следовала западноевропейской модели формирования наций, опирающейся на идентификацию с государственной территорией, народом и языком, стремясь ассимилировать национальные меньшинства в единое пространство доминирующей культуры и языка. «Грубо говоря, Австрия следовала федералистской модели, основанной на региональных парламентах (Landtag) и правительствах (Landesregierung) в коронных землях, которые признавали региональные языки. <...> Венгрия была централизованным государством, в котором не было опосредующего провинциального уровня и которое было поделено на графства (comitatus, megye). Единственным языком, который допускался в национальном парламенте, на уровне графства, общин и муниципалитетов, был мадьярский. Все остальные языки были осуждены на второстепенную подчиненную роль, что затрудняло их включение в процессы современного социального, научного и технического развития. Но, с другой стороны, использование мадьярского всеми образованными гражданами развивало коммуникацию между разными национальностями, способствуя политическому и профессиональному участию немадьярского населения. В Австрии признание региональных языков в региональных парламентах и в образовании гарантировало разнообразие и давало языкам возможность развиваться для потребностей высшей администрации и образования. Однако это не избавляло их носителей от необходимости изучать немецкий, если они хотели сделать карьеру вне своего домашнего региона. В то время как все венгерские граждане получали мадьярское образование, начиная с начального уровня, австрийские граждане имели дуалистическую систему образования: локальные или региональные языки — для региональных потребностей <...>, немецкий — для официальной коммуникации <...>, высшего образования и публичной карьеры на трансрегиональном уровне» (с. 426).

В статье подчеркивается, что обе эти тенденции взаимодействовали и поддерживали друг друга. Австрия способствовала развитию немадьярских языков в Венгрии, а немадьярские общины стремились следовать австрийской модели языковой политики. Венгерские политики, в свою очередь, были под впечатлением от успехов Австрии в деле германизации своего ненецкоязычного населения. Таким образом, языковая, этническая, культурная и хозяйственная разнородность империи, по мнению автора, придавала ей стабильность.

Статья профессора Университета Св. Лаврентия в Нью-Йорке *Говарда Айзенштата* посвящена процессам модернизации, формирования имперского национализма и этнизации конфессиональной идентичности в поздней Османской империи. Основную проблему империи автор видит в этнической и конфессиональной разнородности населения, а также в возрастающей отсталости Османской империи. Вся ее история XIX в. полна попыток модернизировать общество сверху. Одним из ключевых элементов политики модернизации стал проект создания имперской нации, проект «оттоманизма», призванный интегрировать разнородное население империи и связать его с государством узами лояльности. Автор подчеркивает, что этот проект носил не идеологический, а отчетливо прагматический характер. Он также показывает, что, «поскольку государство одновременно обращалось к весьма разнородному населению, а политическая реальность менялась со временем, оттоманизм не был какой-то устойчивой идеологией; скорее это был подвижный набор тем, которые выдвигались на первый план в зависимости от аудитории и обстоятельств» (с. 459). Этот проект, однако, не позволил интегрировать в имперскую нацию христианское население Балкан, поскольку в последний период существования империи в этом «наборе тем» на первый план стал все больше выдвигаться ислам в качестве маркера коллективной идентичности. Это привело к исключению из состава нации христианского населения и постепенному превращению «мусульманскости» в этническую категорию и подготовило основу для этнических чисток, которые ознаменовали коллапс империи в начале XX в.

Профессор Копенгагенской бизнес-школы *Уффе Остергард* рассматривает проблемы датского национализма в связи с историей Ольденбургской империи. В центре его внимания — формирование датской идентичности, «раздвоенной» между имперской идеей, связанной с ольденбургским наследием, и образом небольшой гомогенной европейской нации. Автор подчеркивает, что с XV в. Датское королевство складывалось как сложное имперское образование. В 1448 г. герцог Ольденбургский, чьи владения находились на территории современной северной Германии, был избран датским королем под именем Христиан I. Затем он стал королем Норвегии и Швеции (включавшей тогда в себя и финские территории), а также герцогом Шлезвига и графом Гольштейна. Датская корона владела островами в Северной Атлантике (Исландия, Гренландия, Фарерские острова), а на протяжении XVII—XVIII вв. приобрела колонии в Вест-Индии, Западной Африке и Индии. В результате ряда военных поражений на протяжении нескольких веков и территориальных потерь Ольденбургская империя превратилась в современную маленькую гомогенную Данию. Датская историография начиная с XIX в. стала привычно рисовать картину истории небольшой датской нации, корни которой восходят к концу эпохи викингов (XI в.). В результате оказалось забытым то, что в процессе формирования датской нации в XIX в. участвовали два конкурирующих и временами даже антагонистических образа «датскости» — имперский и национальный.

Десятая статья той части сборника, которая посвящена отдельным империям, написана профессором Ноттингемского университета *Дэвидом Лавеном* и независимой исследовательницей *Эльзой Дамьен* и посвящена венецианскому имперскому опыту и его роли в формировании итальянской нации со времен объединения

Италии и до периода фашизма. В итальянском случае проект создания колониальной империи должен был не просто ввести Италию в круг «мировых держав», но и усилить формирующуюся общетальянскую идентичность, а также лояльность населения еще недавно независимых регионов Италии новому объединенному государству. Историки предложили взглянуть на этот процесс с локальной перспективы — с точки зрения Венеции, города-государства, который имел имперский исторический опыт и память о нем. Рассмотрение итальянского регионализма как препятствия на пути к национальной интеграции стало общим местом в историографии; вместе с тем, отмечают авторы, «исследования по истории Германии и Франции постоянно показывают не только то, что национальная и локальные формы лояльности не являются неизбежно сталкивающимися между собой, но также и то, что часто они усиливали друг друга <...>» (с. 513). То есть в центре внимания здесь находится венецианский ответ на вызовы объединения Италии, становления итальянской нации, создания итальянской колониальной империи — ответ, опосредованный венецианским имперским опытом. В венецианском случае, как оказалось, итальянский имперский проект пользовался поддержкой региональной элиты, а центральное правительство (как либеральное, так и фашистское) смотрело на «венецианскость» как на инструмент легитимации итальянского империализма, призванного, в свою очередь, послужить укреплению национальной идентичности.

Книга завершается разделом «Комментарии», состоящим из пяти статей, написанных известными историками. Смысл его заключается в компаративистском взгляде на те проблемы, которые были основополагающими в каждой из предшествующих десяти работ. В статье исследователя из Высшей школы социальных наук в Париже *Жана-Фредерика Шауба* рассматривается соотношение европейского «старого порядка» и империи. По мысли автора, изучение истории государств раннего Нового времени может много дать для понимания современных империй и связанных с ними национальных государств. Взаимодействие центростремительных и центробежных сил, изучаемое историками таких раннемодерных государств, как Франция или Испания, могут быть весьма релевантными для историков империй. Вопрос, которым следует задаться и который историки государств раннего модерна могут предложить своим коллегам — исследователям империй, звучит в его формулировке так: «Уверены ли мы в том, что всегда можем аналитически отличить национальные королевства от многонациональных империй?»

В уже упомянутой статье Филиппа Тьера указывается на связь нацистроительства с имперским контекстом и на роль империй как коммуникативного пространства для формирования наций. Понимание этих явлений, по мнению автора, может помочь увидеть и специфику нациеобразования в постимперскую эпоху, когда основными агентами производства наций становятся уже не империи, а современные государства с более широкими возможностями индоктринации населения. Этот опыт формирования наций в XX в. еще мало осмыслен теоретически и слабо оформлен терминологически.

Статья почетного профессора Центрально-Европейского университета и Университета Пенсильвании *Альфреда Рибера* посвящена сравнительному анализу национализации имперских армий. В ней рассматриваются различные траектории этого процесса в Габсбургской, Российской и Османской империях и делается вывод о его незавершенности к началу Первой мировой войны. Армии в этих империях были самыми модернизированными институтами и главными опорами политической системы; их распад в ходе войны вызвал и распад самих империй. Офицерский корпус в результате «национализировался» и сыграл решающую роль в формировании новых постимперских национальных государств; примерами автору служат Мустафа Кемаль Ататюрк и маршал Пилсудский. В России же, по его

мысли, только победа большевиков помешала приходу к власти военных в лице Колчака или кого-то другого из военачальников белого движения.

В еще одной упомянутой статье — Йорна Леонарда — сравниваются процессы развития полиэтничных империй и формирования национальных государств на рубеже XIX—XX вв. Основную задачу автор видит в том, чтобы «преодолеть антагонистический нарратив, продолжающий доминировать в историографии и объясняющий неизбежность упадка и падения империй и их дезинтеграции в период Первой мировой войны в терминах подъема национализма и процессов нациестроительства» (с. 645). Образование национальных государств путем сепарации (выхода из состава империй национальных регионов) не было, по его мнению, единственно возможным вариантом дальнейшей истории империй.

Заключительная статья принадлежит исследователю из Тринити-колледжа (Кембридж) и члену Британской академии *Доминику Ливену*. Она посвящена сложным взаимоотношениям империй с территориями и сообществами, которые составляют ее «ядро». Положения, высказываемые здесь известным английским ученым, несколько расходятся с одним из принципиальных тезисов руководителей проекта, высказанным во Введении, — что «нациестроительство в сердцевине империи было в действительности одним из основных инструментов этой империи в деле поддержания и усиления своей конкурентоспособности» (с. 30). Энтузиазм жителей метрополии в отношении империи, по Ливену, был весьма неустойчив и сомнителен. Национализм «имперского ядра» мог подвигнуть имперские власти на действия, которые вели к отчуждению меньшинств от империи и в итоге способствовали ее разрушению. Далее, империя не является необходимым фактором формирования национализма в метрополии. Более того, «нация и империя основаны на противоположных принципах. Большинство великих империй в истории управлялись монархами, которые использовали для своей власти религиозную легитимацию и гордились тем, что управляли многими народами на основе права завоевания. Напротив, концепты национализма, как гражданского, так и этнического, исходят из того, что суверенитет укоренен в народе. Они подчеркивают принцип вовлеченности в политическую жизнь обычного гражданина» (с. 655).

Вошедшие в книгу исследования так или иначе подтвердили изначальную гипотезу составителей: «Во-первых, <...> нации возникают внутри империй и в контексте межимперской конкуренции; во-вторых, нациестроительство не может быть понято вне его имперского контекста <...>; и в-третьих, нациестроительство и империя были очень тесно взаимосвязанными процессами <...>» (с. 30). Проект Бергера и Миллера носит новаторский характер. Впервые давно обсуждаемая (как подлежащая переосмыслению) проблема отношений наций и империй в истории представлена с такой полнотой, на материале десяти имперских государств, в широкой временной перспективе, с сочетанием диахронического анализа отдельных имперских кейсов с компаративным подходом, позволяющим выявить общие закономерности во взаимоотношениях имперской и национальной моделей политической организации — или, по крайней мере, поставить вопрос об их существовании. В этом семисотстраничном труде содержится обширная, но не исчерпывающая программа изучения такого сложного явления, как отношения между империей и нацией. Дальнейшая работа в этом направлении способна еще больше обогатить наше представление об исторической динамике. В ходе этой работы должны быть уточнены как понятие «нация» (в рецензируемой книге оно фактически сведено к этническому национализму), так и понятие «империя» (в центре внимания авторов сборника находились колониальные империи эпохи модерна).